ЗДЕСЬ ВАС ЖДАЛИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

18+

Вико Б

Здесь вас ждали

«Автор»
2026

Б В.

Здесь вас ждали / В. Б — «Автор», 2026

Отель обещает отдых и безопасность — место, за порогом которого можно ненадолго оставить привычную жизнь. Сюда приезжают навстречу давней мечте, а порой находят то, от чего надеялись скрыться. За незнакомыми дверями прошлое обретает голос, коридоры ведут в чужую память, а заботливая улыбка заставляет усомниться в добрых намерениях хозяина.Одиннадцать рассказов сборника «Здесь вас ждали» соединяют мистику, хоррор и психологическое напряжение, физическое состояние с сознанием — герои сталкиваются с необъяснимым, находят в себе стержень и пытаются сохранить право выбирать свою судьбу. Здесь приют легко становится ловушкой, и даже открытая дверь ещё не обещает свободы.

© Б В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Леля Мстиславских 6
Fuoco Orri 20
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Fuoco Orri, Леля Мстиславских, Даниил Бездарь, Катя Рыбакова, Аделаида Валихштейн, Зоя Валихштейн, Диана Старк, Клетчатый гаер, Артём Гиров, Вико Б, Solar Abyss
Здесь вас ждали

Здесь вас ждали

© Леля Мстиславских, Fuoco Orri, Диана Старк, Клетчатый гаер, Артём Гиров, Solar Abyss, Зоя Валихштейн, Катя Рыбакова, Вико, Даниил Бездарь, Аделаида Валихштейн, текст, 2026

© Аляска Худякова, составитель сборника, 2026

© Оформление. Издательство «Чёрный пёс», 2026

Иллюстрация на обложке Niru, @niruvanganza

«я был готов любить весь мир, — меня никто не понял» — группа, объединившая лучших творцов.

ТГ и ВК: @writers_in_the_house

Сборник подготовлен совместно с авторами проекта «Амфотерн», @amphoterne1

Отель обещает отдых и безопасность — место, за порогом которого можно ненадолго оставить привычную жизнь. Сюда приезжают навстречу давней мечте, а порой находят то, от чего надеялись скрыться. За незнакомыми дверями прошлое обретает голос, коридоры ведут в чужую память, а заботливая улыбка заставляет усомниться в добрых намерениях хозяина.

Одиннадцать рассказов сборника «Здесь вас ждали» соединяют мистику, хоррор и психологическое напряжение, физическое состояние с сознанием — герои сталкиваются с необъяснимым, находят в себе стержень и пытаются сохранить право выбирать свою судьбу.

Здесь приют легко становится ловушкой, и даже открытая дверь ещё не обещает свободы.

Леля Мстиславских
Женские кости

Новая ночь…
А с ней — и новые слёзы.
Пусть же тогда
Жизнь моя оборвётся,
Прежде чем солнце зайдёт.
Идзуми Сикибу

Дзинь-дзинь-дзинь!

Фурин, подвешенный на окне, наполнял ресепшен мелодичным перезвоном, похожим на журчание ручейка. Это был единственный умиротворяющий звук во всём отеле. Остальное же — полнейший ад. Трескотня старого телефона, хриплая ругань, долетавшая из курилки, резкий писк всплывающих на экране уведомлений об ошибке — вот привычная музыка этого дурацкого отеля с не менее дурацким названием «Ясураги-кан». Как будто не отель, а санаторий какой-то…

Кейко натянуто улыбалась гостье, одновременно гнулась в идеальном девяностоградусном поклоне и старалась стукнуть компьютер посильнее, чтобы тот наконец заработал. После очередного удара на экране снова замигало, мерзко пища, уведомление об очередной ошибке.

— Приносим глубочайшие извинения, госпожа, программа немного барахлит, — крайне вежливым тоном повторяла Кейко, хотя голос норовил сорваться на жуткий скрежет.

— Ничего, я подожду ещё немного.

Гостья отеля, высокая, тощая женщина со впалыми щеками, устало улыбнулась. Она напоминала Кейко её мать, и от этого становилось до жути неприятно.

Её имя — Тайра Йору — и паспорт не пробивались, как бы Кейко ни старалась заставить древнюю программу времён динозавров работать. Хоть с бубном пляши — всё бесполезно!

«Если чёртова программа не заработает, я разнесу по дощечкам это проклятое место», — злобно думала Кейко. Однако очередной удар по компьютеру всё же привёл его в чувства. Программа натужно затарахтела, и Кейко с облегчением выдохнула.

Пока Кейко набирала иероглифами имя постоялицы, та вертела головой, разглядывая висящие на стене репродукции гравюр укиё-э. Господин Игараси, начальник Кейко и по совместительству владелец отеля, обвешал ими все стены. Особенно он гордился коллекцией возле мужской бани — там «Ныряльщица и осьминог» соседствовали с другими шедеврами сюнги. Кейко изо всех сил старалась не кривиться, когда проходила мимо.

Правда, в ресепшене таких провокационных картин не было. Господину Игараси хватило ума не вешать эротические гравюры прямо на входе.

— Красивая картина, — похвалила Тайра Йору, указывая на триптих за спиной Кейко. На нём Такияша-химэ призывала громадный скелет, чтобы тот отомстил за смерть её отца. Честно признаться, Кейко всегда была на стороне Такияши, жаль, что её в итоге победили.

— Мы рады, что вам она нравится, — с дежурной улыбкой ответила Кейко, после чего загремела ключами. — Позвольте проводить вас в ваш номер.

— Благодарю, госпожа… — Взгляд Тайры Йору скользнул к бейджику на груди Кейко. — …госпожа Ёсикава.

Та в ответ снова поклонилась и жестом пригласила гостью следовать за ней.

В глубине души Кейко надеялась, что на сегодня это последняя посетительница. «Ясураги-кан» был небольшим отелем в глухом провинциальном городке, и, нанимаясь сюда, Кейко наивно полагала, что сможет работать, не сильно напрягаясь. Однако суровая жизнь чихать хотела на чаяния Кейко.

Каждый день — толпы недовольных гостей, постоянно тормозящий компьютер, система программного обеспечения которого не обновлялась уже лет сто, и бесчисленные «ирашаймасэ!»[1], потерявшие для Кейко всякий смысл. Иногда, когда денег не хватало или коллега, Ватанабэ Рин, просила подменить её, приходилось брать ночные смены, и тогда ад продолжался от заката и до самого рассвета.

Но хуже всего приходилось тогда, когда Кейко попадала на глаза господину Игараси. Пятидесяти лет от роду, крепкий, с сильными руками, он мог попросту зажать любую сотрудницу в каком-нибудь тёмном углу, и оставалось только молить богов, чтобы вырваться до того, как его руки начнут ползти под юбку.

Кейко не увольнялась лишь по одной причине: она не хотела остаться безработной. В таком случае она просто-напросто помрёт с голоду. Проще было найти мужа, при котором она стала бы домохозяйкой, однако и выходить замуж Кейко не хотела, из-за чего разошлась во мнении с половиной своих подруг, уже успевших обзавестись мужьями.

Другая же половина соглашалась с Кейко. Муж — это экономически невыгодно. Он требует много вложений, за ним нужно ухаживать, готовить ему, обслуживать в быту и в постели, да и не факт, что он захочет делиться деньгами.

К тому же может статься, что муж попросту убьёт тебя. Именно это и произошло с матерью Кейко. Мама познакомилась с отцом в молодости, тогда он был, по её словам, просто душкой. Но потом пристрастился к спиртному и, как водится, стал поколачивать мать, аргументируя это тем, что она недостаточно его уважает. Мама обращалась в полицию, но оттуда её погнали прочь. «Не убил же он вас», — сказали ей там. Что ж, именно это он потом и сделал.

«Останусь холостой», — решила для себя Кейко.

Те подруги, которые, как и Кейко, не спешили замуж, давно уже перебрались в Токио. В провинциальном захудалом городишке заработать на жизнь, будучи женщиной, практически невозможно. Они и Кейко звали в Токио, но та боялась. Здесь у неё была собственная квартира, доставшаяся в наследство, работа, пускай и тяжёлая… А на новом месте неясно, что будет. Страшно.

Наверное, стоило просто сменить отель, но вряд ли что-то кардинально поменялось бы…

— Ваш номер, пожалуйста, — бодро сказала Кейко.

Тайра Йору кивнула, приняла ключи и окинула взглядом коридор, как будто высматривала кого-то. Поклонившись, Кейко вновь нырнула в бесконечный поток работы.

К концу смены ноги гудели, а пальцы, упрятанные в дешёвую кожу балеток, пылали огнём. На приёме, за который Кейко пришлось отвалить чуть ли не треть зарплаты, врач сказал, что у неё развивается варикоз и что ей лучше сменить работу.

Только вот менять её не на что. Потому и оставалось лишь ждать, когда смена подойдёт к концу, Ватанабэ встанет на её, Кейко, место, а сама она сядет на электричку, доедет до дома, где напялит растянутую майку с выцветшим и наполовину облезшим принтом, наестся карри и сладко проспит до следующего утра.

Провалившись в мечты о сладком сне, Кейко не сразу поняла, что её телефон вибрирует. Она огляделась вокруг, юркнула в туалет и прочитала сообщение. На экране засветилось имя контакта: «Ватанабэ Рин». Та, топя иероглифы в тонне плачущих эмодзи, умоляла подменить её на эту ночь. Глаз у Кейко задёргался.

---

[1] Ирашаймасе (яп. ########, irasshaimase) — это распространенное японское приветствие, означающее «Добро пожаловать!» или «Чувствуйте себя как дома!».

«Умоляю, Ёсикава! — писала Ватанабэ. — У меня сын в больнице, муж к нему поехать не может, у него завтра работа утром, а кроме меня больше некому! Обещаю, я в долгу не останусь!»

«Ладно, подменю», — напечатала Кейко в ответ, хотя сейчас больше всего на свете ей хотелось послать к чёрту и Ватанабэ, и всю работу в отеле, и ещё начальника в придачу. Однако подменить Ватанабэ сейчас правда вряд ли кто-то мог. Остальные коллеги жили далековато, а электрички вечером ходили плохо.

Кейко сползла на сидушку одного из унитазов и обречённо уставилась в потолок.

— Когда-нибудь я сдохну от переработок, — промямлила она.

***

Дзинь-дзинь-дзинь!

Фурин зазвенел громче, и Кейко приоткрыла глаз. Видимо, ветер за окном разбушевался. Она растёрла ладонями лицо, хрустнула суставами и, оттолкнувшись от стены, к которой прижималась, шагнула вперёд, чтобы закрыть форточку.

Висевшие над стойкой администратора часы показывали десять вечера. Только начало смены, а Кейко уже хотела умереть. Чуть позже она достанет из тайника припрятанный раскладной стул, устроится поудобнее и уснёт, но сейчас, пока господин Игараси ещё не ушёл, сделать так она не могла ни при каких обстоятельствах.

Периодически Кейко уходила в туалет или в комнату отдыха сотрудников, чтобы посидеть и дать ногам отдохнуть, однако этого ей было мало. Тело умоляло о сне в уютной постели, а Кейко вместо этого в сотый раз обходила отель, вновь возвращаясь к стойке администратора. Кейко массировала лоб, разлепляла глаза, гладила манэки-нэко, стоящего на стойке и неустанно машущего лапкой, но сон всё равно кусал веки.

Эх, скорее бы домой…

— Ёсикава, эй, Ёсикава!

Громкий голос Накамуры, здешней охранницы, заставил Кейко вздрогнуть всем телом. Накамуру наняли совсем недавно, однако никто не был уверен, что она продержится хотя бы месяц: грузная, с набитыми рукавами татуировок, Накамура любила приложиться к бутылке, а некоторые поговаривали, что она отсидела срок за убийства. И теперь эта самая Накамура неслась на Кейко, словно торпеда.

— Что такое, Накамура? — поторопилась спросить она.

— Что такое?! Да у нас толчок камерами нашпигован! — крикнула Накамура, и Кейко замерла, в удивлении раскрыв рот.

В мыслях она тотчас начала подсчитывать, сколько раз она ходила в туалет за день, неделю, месяц… Камеру могли установить когда угодно, и Кейко бы точно попала под цепкий глаз её объектива. И если её записали, то вполне вероятно, что прямо сейчас какой-то конченый извращенец может…

— Звони начальнику давай, чё ты в облаках витаешь! — гаркнула Накамура, приводя Кейко в чувства.

Спустя несколько минут в женском туалете, предназначавшемся для персонала, Накамура тыкала пальцем в маленькое съёмочное устройство, закреплённое в щели между стенками кабинки.

— Вот, видите, господин Игараси, видите! — повторяла она.

Господин Игараси хмурился, а Кейко кусала изнутри щёку. В желудке скручивалась мерзкая тошнота. *Проклятье, камеры в их туалете…*

— Надо ментов вызвать, — сказала Накамура.

После этих слов господин Игараси выпрямился, стрельнул уничтожающим взглядом в Накамуру и припечатал:

— Никаких ментов вызывать мы не будем. Ещё не хватало, чтобы пошли слухи о моём отеле! А они обязательно поползут, стоит людям узнать, что сюда приезжала полиция.

— Да тут камеры в сортире! Чёрт с ними, с людьми! — не унималась Накамура. — Вызовите вы ментов, пусть они разбираются! Если мы их просто уберём, то…

— Нет, — перебив её, с нажимом повторил господин Игараси. — Никаких полицейских. Если вам что-то не нравится, госпожа Накамура, вы можете просто уволиться.

Губы Накамуры искривились в гневе, но она так ничего и не сказала, а Кейко подумала: «Странно. Мне казалось, что те, кто отсидел, предпочли бы не связываться с полицией». Додумать эту мысль она не успела, потому что взгляд господина Игараси скользнул по ней, а его рот скрючился в подобие улыбки. Кейко передёрнуло от этого выражения лица, а ощущение налипшей к телу грязи усилилось.

— Госпожа Накамура, уберите камеры в туалете сами, — приказал начальник.

— Я помогу, — тут же вызвалась Кейко. А когда господин Игараси ушёл, она сказала: — Не думаю, что полиция стала бы всерьёз разбираться, кто установил эти камеры.

Накамура хмыкнула, пальцем зацепила устройство и одним движением руки вырвала его из щели.

— Что-то же они должны были сделать, — тихо сказала она.

В ответ Кейко лишь пожала плечами.

Следующие несколько часов она провела в раздумьях. Камеры в туалете не давали ей покоя, и она думала, думала о них. Думала о том, что абсолютно всем, кроме них самих, работниц, использовавших этот туалет, было совершенно плевать, что кто-то там снимал каких-то там женщин в туалете, мастурбировал, глядя на них в момент, когда меньше всего этого ждёшь. Плевать!

Но в конце концов усталость прошедшего дня сморила Кейко, и она уснула, развалившись на принесённом из дома раскладном стуле, погрузилась в тревожные сны, сквозь которые ей слышались скрипы половиц и скрежет костей. Проснулась она только под утро, где-то часа в четыре. Рассвет пропитывал небо за окном нежной зеленью, и солнце неспешно выкатывалось из-за крыш домов.

Нужно было вставать и делать обход, но вместо этого Кейко потянулась, заложила руки за голову и уставилась на рассвет. Из приоткрытой форточки тянуло свежим воздухом, и фурин снова тихо позвякивал. Дзинь. Дзинь.

«Я же вчера закрыла окно», — подумала Кейко. Пришлось подниматься и закрывать опять, а раз встала, то и отель пришлось обходить: проверять запас товаров в торговых автоматах, распечатывать счета для завтрашних (уже сегодняшних) выездов, проверять, закрыты ли окна в лаунж-зоне и чисто ли в курилке.

И именно на пути в курилку Кейко и почувствовала: что-то не так. Из распахнутого настежь окна тянуло совсем не летним холодом, он полз по ногам, просачивался под форменную рубашку и бугрил мурашками кожу. Окна в отеле всегда закрывали на ночь, но раззявленные створки, постанывая скрипом, сочились утренней прохладой.

Шагнув ещё ближе, Кейко нахмурилась. Тяжёлый металлический запах ударил в нос, и грудь заморозило страшным предчувствием. Кейко перешла на бег, завернула за угол коридора и вдруг отшатнулась назад. Рвотный позыв хлынул к горлу, и в попытке подавить его Кейко зажала ладонями рот.

Посреди коридора, прямо напротив распахнутого окна, лежал обезглавленный, обескровленный труп.

***

Дзинь-дзинь-дзинь!

Аккуратно подстриженный ноготь Кейко стучал по стакану с водой. Звук разрушал тишину, рождающуюся каждый раз, когда она смыкала губы, и успокаивал, как перезвон колокольчика.

— Что вы делали в последние двадцать четыре часа перед тем, как наткнулись на труп?

Следователь смотрел на неё бесстрастно, и его голос был такой же бесцветный, как и взгляд. Кейко выдохнула, растёрла опухшее после бессонной ночи лицо и напрягла мозг.

— Я работала. Принимала гостей отеля, регистрировала, помогала заселяться… Потом мне написала сменщица, попросила выйти в ночь вместо неё. Я не особенно хотела пахать сутками, но у неё сын в больницу попал… Потом госпожа Накамура, это наша охранница, нашла в туалете скрытую камеру. — Кейко напряглась, пытаясь вспомнить детали. — Потом я уснула… Хотя нет, перед этим я ещё немного поработала, да… Проснулась часа в четыре, снова начала работать… А потом…

Кейко зажмурилась, пытаясь вытравить из памяти обезглавленное тело, но оно всё равно всплывало перед глазами, будто выжженное клеймом. Вцепившись пальцами в стакан, Кейко прижала его к губам и глотнула.

— Почему вы не сообщили в полицию о камере в туалете?

— Начальник не позволил. Не хотел привлекать внимание к отелю.

Она поставила стакан на стол, и тот звякнул. Дзинь! Кейко провела пальцами по одной из граней и снова стукнула ногтем по стеклу. Дзинь!

— Вас разозлило то, что господин Игараси не позволил вам вызвать полицию? — продолжил следователь.

— Разумеется.

Кейко смерила его суровым взглядом. Хотелось бросить ему в лицо, что, несмотря на это, она не верит, что полиции есть хоть какое-то дело до камер в женских туалетах. Но вместо этого она сказала:

— Думаю, любая женщина разозлилась бы, если б на неё, справляющую нужду, мастурбировал какой-то извращенец, а ей бы даже полицию вызвать не позволили.

Следователь кивнул и продолжил:

— Вам знаком этот предмет?

Он положил перед ней ключ с биркой. Сто пятая комната. Кейко напрягла память. Этот ключ она выдала день назад мужчине тридцати лет. Его фамилия — Хирано, а звали его, кажется, Сэйити… Нет, не Сэйити… Сати?.. Ах да, Сатоси! Он был частым гостем их отеля, поэтому Кейко его запомнила. Высокий, с кокетливо растрёпанными волосами. Кажется, он работал инженером или кем-то вроде того. Кейко обычно ничего о гостях не запоминала, но Хирано Сатоси слишком часто заезжал к ним в отель.

Обо всём этом Кейко и рассказала следователю. Тот кивал во время рассказа, как бы подбадривая. Кейко хмыкнула. Этот приём с кивками она знала: когда человек говорит, ты киваешь, как болванчик, тогда он расслабляется и говорит охотнее.

Однако Кейко считала, что этот приём не работал.

— Вы узнаёте это? — спросил следователь, укладывая перед ней маленькую чёрную камеру. Объектив блеснул, ловя свет от лампы, и Кейко сжала губы.

— Это та камера, которую госпожа Накамура нашла в туалете, — сказала она.

— Такие же нашли в вещах жертвы. — Следователь внимательно посмотрел в расширившиеся от удивления глаза Кейко. — Вы знали об этом?

— Такие же? — переспросила Кейко. — Я… Откуда мне было знать?..

Такие же камеры в вещах Хирано Сатоси. Детали сложились в одну картинку: Хирано Сатоси, убитый сегодня ночью, установил камеры в женском туалете. И, раз уж следователь рассказал ей об этом, задал вопрос, знала ли она, то это значит…

— Вы подозреваете меня? — спросила Кейко, снова стуча ногтями по граням стакана. Услышав её вопрос, следователь не изменился в лице.

— Мы проверяем все версии, — только и ответил он.

После допроса Кейко чувствовала себя размазанной и выжатой. Когда она вышла из полицейского участка, время уже перевалило за полдень. Летний воздух наполнялся стрёкотом цикад и запахом прогретого асфальта. Кейко размяла рукой шею и двинулась по направлению к вокзалу. Наконец она сядет на электричку, доедет до дома и просто завалится спать до следующего утра…

Весь сегодняшний день она хотела забыть, стереть из памяти, выжечь, как выжигают раковые опухоли в теле. «Приду домой — покипячусь в душе», — решила она, идя до вокзала. Да, домой! К тёплой постели, ко вкусному карри, к горячему душу и сну! Прочь от этого кошмара!

Однако, сидя в электричке, стоя под горячими струями душа, жуя карри, Кейко всё никак не могла перестать думать о произошедшем. Кто-то убивал — да так близко, что Кейко захлёбывалась от осознания, что она ходила по тем же коридорам, что и убийца, наступала на те же половицы, возможно, смотрела ему прямо в глаза, улыбалась, может, даже пожимала руку. Она была так близко к смерти, что кишки скручивало узлом, а всё нутро вопило о том, что нужно спасаться, увольняться, прятаться, чтобы в следующий раз не оказаться там, в коридоре, без головы, без крови…

Куда подевалась голова жертвы? А кровь?

Кейко развалилась на футоне, уставилась в потолок и попыталась отключить мозг. Висящие на стене часы щёлкали механизмом, тикали, и этот звук давил на уши, выкручивая жилы. Он разливался в тишине квартиры, переплетался с шорохом занавесок, раздуваемых ветром, и пускал под кожу холод страха. Пришлось закрыть окно и включить на фон барахлящее радио, чтобы задавить скрежет мыслей в черепной коробке.

Но и это не помогло.

«Может, стоит проверить базу данных посетителей отеля? — думала Кейко. — И почему забрали только голову? Как её отделили? Разве убийцы не прячут тело, чтобы их не вычислили? Надеюсь, он сбежал и больше не вернётся… Не хочу на работу…»

Кейко накрыла лицо подушкой, придавливая её к себе, но мысли пульсировали, взбухали гнойными нарывами. Тело, измождённое проведёнными без сна сутками, умоляло о сне, но мозг воспалился, отказывался отключаться, остервенело цепляясь за сознание. Казалось, стоит Кейко закрыть глаза, и из-за стенки выскочит убийца с топором. Он отсечёт ей голову и выкачает кровь.

Когда Кейко была маленькой, мама часто отправляла её к бабушке — переждать, пока отец выйдет из запоя. Бабушка жила в деревне, разводила кроликов, и там Кейко увидела, как их обескровливают. Их глушат тупым ударом по затылку, после чего отсекают голову, подвешивают за задние лапы и ждут, пока кровь стечёт до последней капли.

Но труп в «Ясураги-кан» лежал на полу. Значит, либо его принесли в коридор после того, как сцедили кровь, либо откачали каким-то иным способом. Каким? И главное — зачем кому-то понадобилось обескровливать труп и бросать его посреди коридора? Его же легко могут найти люди, кто-то запросто может услышать шум, выглянуть из номера и застать убийцу. Для чего так рисковать? Вывод напрашивался один: кто-то хотел, чтобы тело нашли.

Выдохнув, Кейко вскочила с постели, накапала снотворного в стакан и залпом выпила его, после чего проспала до полудня.

***

Выходные кончились, и над Кейко грозовым облаком нависло возвращение на смену. Мысль о том, что придётся снова быть там, где всё ещё мог ходить убийца, ощущалась желчной кислотой, разливающейся по телу. Снова и снова перед глазами всплывало обезображенное тело на полу коридора.

Кейко присела на корточки и закрыла лицо руками. «Может, просто уволиться к чёртовой матери?» — подумала она, но тут же поняла, что не сможет: ей нужны деньги, ей нужна работа. Здесь больше нет мест, куда она могла бы податься. Разве только в какой-нибудь магазинчик-комбини, но это подработка для студенток, ей просто-напросто не хватит на жизнь.

Собравшись духом, Кейко заставила себя подняться и пойти на работу.

На парковке возле отеля всё ещё стояли полицейские машины. Они напоминали мух, слетевшихся на запах мертвечины. Рядом вполголоса переговаривались друг с другом два офицера. Кейко прошла мимо них, намереваясь войти в отель, но столкнулась с господином Игараси. Он крутился вокруг сбитного мужчины с приятным лицом, который то и дело оглядывался на полицейских. Возле него Кейко заметила невзрачную девочку лет тринадцати. Мужчина прижимал её к себе в оберегающем жесте, точно хотел оградить от всего мира.

— Я просто беспокоюсь, как бы моей Юко чего не угрожало, — сказал он.

— Ну что вы, господин Миура, в отеле полностью безопасно! — расшаркивался господин Игараси. — Мы гарантируем, что вам и вашей падчерице здесь совершенно ничего не грозит! А полиция… Это…

Тут его взгляд зацепился за Кейко, пытавшуюся прошмыгнуть в отель мимо него.

— Ёсикава! — вскрикнул он. — Ёсикава, покажи господину Миуре наш онсэн[2], он и его падчерица там ещё не были, ведь так, господин Миура? Вы знаете, у нас есть замечательный ротэнбуро[3]!

— Но я ещё даже форму не надела, — попыталась возразить Кейко, но господин Игараси ухватил её за руку и зашипел прямо на ухо:

— Ёсикава, просто покажи им чёртов онсэн. Будь хорошей девочкой, не заставляй меня злиться ещё больше. Ты же не хочешь, чтобы я тебя уволил, верно, дорогая?

Кейко сжала губы, мысленно считая до десяти, после чего натянула на лицо улыбку и снова рухнула в болото рабочей жизни. Поклон начальнику, следом — гостям, уважительный тон и очаровательная улыбка — и вот она снова в строю.

— Господин Миура, позвольте показать вам наши горячие источники, уверяю, они вам очень понравятся.

Тот кивнул, а Кейко заметила, с каким напряжением и затаённой надеждой падчерица господина Миуры смотрит на полицейских. Она неотрывно пялилась на них с таким видом, будто бы сейчас взорвётся.

— Юко, деточка! — окрикнул её господин Миура, и та вздрогнула.

— Да, дядя? — прошептала она.

— Ну что ещё за дядя! Просил же звать меня папой… — Господин Миура покачал головой и ласково пригладил волосы Юко. — Пошли, деточка моя, посмотрим, что тут за хвалёные источники такие.

Юко снова бросила взгляд на полицейских, на секунду зажмурилась, а потом шагнула следом за господином Миурой. «Что-то с ней не так», — подумала Кейко, пока вела их до

---

[2] Онсэны — это традиционные японские горячие источники вулканического происхождения, часто с богатой минералами водой, используемые для релаксации и оздоровления.

[3] Ротэнбуро (rotenburo, ####) — это японские ванны с термальной водой, расположенные под открытым небом.

онсэна. Юко кусала губы, то и дело оборачивалась и словно бы вопила без слов о том, что ей страшно. Кейко не могла этого не замечать, но и что с этим делать, она тоже не знала.

Однако в голове тут же щёлкнуло: «А вдруг он — этот отчим и его падчерица — как-то связаны с происходящим в отеле? Их фамилия Миура, так?» Кейко незаметно кивнула сама себе, делая пометку — посмотреть их данные в базе. Толком вряд ли это поможет, но может быть… Может быть, что-нибудь и получится?

Так, спустя какое-то время, Кейко уже выковыривала крохи информации из базы данных.

В узких табличных строчках ютилось: Миура Такэси, сорок семь лет, адрес регистрации — другой район этого города, возвратный гость, потратил в «Ясураги-кан» приличную сумму. В одном из столбцов также значилось, что гость всегда просит номера с хорошей шумоизоляцией, оставляет беспорядок, но компенсирует щедрыми чаевыми. Всегда приезжает с падчерицей, жена скончалась (не спрашивать о ней, гость начинает злиться).

Кейко то и дело пробегала глазами по строчкам, жевала губу, хмурилась. Может, Миура Такэси и есть убийца? А Юко знает это, но молчит? То-то они запереживали, увидев полицейскую машину. Кейко замутило от этих размышлений, и мурашки поползли по хребту.

Следом она открыла страницу с данными Хирано Сатоси, но ничего нового не узнала, разве что то, что в комментарии отметили, что однажды он клеился к сотруднице, но что, по сути, это меняет? Много кто клеится. Несколько раз и Кейко приходилось отшивать настойчивых клиентов, набивающихся ей в мужья, а то и просто в любовники.

И всё же никак не складывалось то, зачем господину Миуре, если он был убийцей, могла понадобиться смерть Хирано Сатоси. Тем более так плохо обставленная. Может, всё-таки не он? Кейко хотелось надеяться, что убийца сбежал куда подальше. Пусть полиция его ищет, лишь бы он не здесь ошивался.

Когда тошнота стала более ощутимой, Кейко закрыла базу данных и вернулась к работе, постаравшись выдворить из головы всё, что было связано с этим делом. Она отработала весь день, под конец снова ныли ноги, отвлекая от навязчивых мыслей.

Но страх никуда не исчез.

***

Дзинь-дзинь-дзинь!

Фурин звенел мягко и нежно. Ранним утром, когда Кейко только вошла в холл отеля, только он и приветствовал её. Ватанабэ нигде не было, хотя именно она должна была стоять на ресепшене, ожидая Кейко, чтобы передать эту бесконечную эстафету ей. Но она как в воду канула.

Только лишь позвякивал фурин, неустанный манэки-нэко приветственно махал лапкой, да ещё и Такияши-химэ хитро поглядывала с картины. И больше никого.

— Странно, — в пустоту холла сказала Кейко.

Она оглядела стойку администратора, заглянула в комнату персонала, снова прошлась по холлу, но никого не было. Она зашла в туалет для персонала — там она и Ватанабэ иногда прятались, чтобы посидеть немного, — но и там её не было.

Зато там была Юко.

Она сидела на полу, прижав колени ко груди, и спала. Её голова неудобно запрокинулась вбок, опёрлась о стену, а перемятая одежда съехала, а кое-где и порвалась. Кейко нахмурилась и, подойдя к Юко, потрепала её по плечу.

— Госпожа Миура, — позвала она, — госпожа Миура, просыпайтесь.

Юко приоткрыла глаза и отшатнулась от Кейко в сторону, вжалась в угол туалета. Кейко нахмурилась ещё сильнее, но тут же спохватилась и вернула на лицо рабочую улыбку.

— Не стоит спать на холодном полу, вы можете простудиться. — Кейко улыбнулась ещё шире, но не слишком широко, чтобы не показаться насмешливой. — Что вы делаете в этом туалете? Он предназначен для персонала. К тому же разве не удобнее спать в своём номере?

— Я… Я… Я прошу прощения, — пролепетала Юко и склонила голову в поклоне. — Я совершенно случайно!.. Простите! Я поругалась с отчимом ночью и… В общем, я не хотела его видеть, поэтому своевольно вошла сюда, простите!

— Ничего страшного. И давно вы тут спите?

— Ну… Где-то… С полуночи. — Юко пожала плечами и прибавила: — Наверное. Я не смотрела на часы.

Когда она поднялась на ноги, улыбка Кейко треснула, а уголки губ потянулись вниз. Определённо, с Миурой Юко что-то не так. Об этом вопил весь её внешний вид. Приглядевшись получше, Кейко разглядела расплывшийся на руке Юко свежий синяк от чужой руки, а на ключицах, с которых сползла полурасстёгнутая блуза, явно проглядывались засосы.

— Госпожа Миура, если вам нужна помощь… — начала она, но Юко тут же застегнула блузу и отвернулась.

Кейко понятия не имела, что ей делать. Она знала, что полиция чихать хотела на таких, как Юко, Накамура, работницы отеля, Кейко и её мать. На всех них полиция плевала с высокой башни, особенно сейчас, когда есть *настоящее* преступление. Но и бездействовать Кейко не могла. Сейчас перед ней стояла девушка — совсем ещё девочка, — отчаянно нуждающаяся в помощи.

А вдруг отчим всё же пытался убить и её?

— Может… Может, хочешь выпить чаю? — предложила Кейко, ухватившись за единственный вариант, показавшийся ей достаточно нейтральным.

— Чаю? — неуверенно переспросила Юко.

— Да, у меня есть вкусный чай здесь, в комнате отдыха персонала. Я его хорошо припрятала, чтобы коллеги не стащили. Хочешь?

Юко кивнула и постаралась улыбнуться, но получалось у неё слабо. Кейко повела её за собой, надеясь, что в комнате отдыха никого не будет. За чаем вероятность того, что Юко расслабится и расскажет, что с ней происходит, выше. И куда лучше, если Кейко поговорит с ней один на один.

«Она выглядит как я в детстве», — набатом гудело в мыслях Кейко. Та маленькая Кейко, оставшаяся в прошлом, точно так же дрожала от страха, прячась от пьяного отца. Разве что засосов на ключицах у маленькой Кейко не было…

Однако на полпути к комнате отдыха Кейко услышала шум. Он доносился со второго этажа, прямо возле лестницы. Когда вдруг в проёме мелькнуло перепуганное лицо Ватанабэ, Кейко окликнула её:

— Рин! Что там у вас происходит?

— Ёсикава? — пролепетала Ватанабэ и закачала головой. В её глазах читался чистый шок.

Не нравилось Кейко всё это… Она бросила быстрый взгляд на Юко, которая с любопытством вытягивала шею в попытках разглядеть происходящее, и поднялась по лестнице. Увиденное заставило её шарахнуться назад. На полу снова, как и в прошлый раз, лежало обезглавленное тело. Кровь из него не лилась, будто кто-то её выкачал, а по одежде Кейко вдруг поняла, кто лежит перед ней: именно в этой одежде был господин Миура, когда она встречала его в последний раз. Из распахнутого окна снова тянуло утренней сыростью.

Тело обступили работники отеля, не давая гостям увидеть его, но любопытные всё равно заглядывали им через плечи и в ужасе отворачивались от изуродованного тела.

— Да что там такое?!

Юко прошмыгнула мимо Кейко и замерла, впившись взглядом в распластанный по полу труп отчима. Она пошатнулась, отступила назад, врезавшись в Кейко спиной. А потом расхохоталась. Смех лился из неё легко и звонко, словно перелив фурина. Юко смеялась искренне, честно, с удовольствием, а потом вдруг сорвалась, бросилась к телу и что было силы пнула его.

— Катись в ад, ублюдок! Катись в ад, катись в ад! — кричала она, раз за разом ударяя труп ногами. — Будь ты проклят, грязное чудовище, умирай, умирай вечно, Такэси!

На пару с крепкой Накамурой Кейко пыталась оттащить её, но Юко вырывалась и снова кидалась к телу.

И смеялась, смеялась, смеялась, покуда искрящийся смех не превратился в рыдания, покуда в хохот не прокрался рокочущий вой. Но и эти слёзы не были горем. Юко ликовала — и Кейко понимала это лучше, чем все стоящие в этом коридоре люди.

Точно так же ликовала и Кейко, когда её отца посадили.

***

Полицейские обтянули коридор второго этажа оградительной лентой, колыхающейся жёлто-чёрными полосами, точно жалящий шмель, забрали Юко, чтобы допросить, увели с собой господина Игараси, который, правда, в скором времени вернулся, злой, как тысяча демонов-они. Кейко лишний раз боялась ему на глаза попасть.

Она устала, а в желудке тошнотой сворачивался липкий ужас.

Миура Такэси не был убийцей. Он стал жертвой. А это значило, что убийца всё ещё где-то здесь. Он бродит среди них, мелькая непозволительно близко, возможно, он даже стоял в толпе, стекающейся поглазеть на труп, и ухмылялся их глупости.

Совершенно такое же убийство: отрубленная голова, ни капли крови, распахнутые окна, хищно хлопающие створками и… скверна. Да, оба погрязли в скверне. Первый устанавливал камеры в женском туалете, а второй… Судя по реакции Юко и тому, что видела Кейко утром, Миура Такэси хорошим отчимом точно не был.

Значит, вполне вероятно, что кто-то убивал с конкретной целью — отомстить. Наказать. Кейко пару раз видела подобные случаи в детективных дорамах, которые крутили по телевизору, но сейчас всё происходило в реальности: кто-то отрубал головы жертвам, сливал с них кровь, точно с тушек кроликов, и бросал посреди коридора, как будто оставляя в назидание другим. Возможно, потом сбегал через окно — и в первом, и во втором случае они были распахнуты.

«Он среди нас, он среди нас!» — твердило беспокойное нутро, вместе с кровью гоняя эту мысль по венам.

Кейко растёрла руками щёки, пытаясь успокоиться. Не получилось. Мысли всё равно распирали её изнутри, норовили вздуть мозг. Кейко никак не могла заткнуть этот поток, а вместе с ним и визжащую сиреной тревогу.

А вечером, когда она пришла перекусить в комнату персонала, застала спорящих Ватанабэ и Накамуру.

— Да сказала же, это всё чертовщина! — твердила Накамура.

— Не городи ерунды. Какая ещё чертовщина? — отвечала ей Ватанабэ. — Ты взрослая женщина, Накамура, к тому же с таким-то прошлым, как у тебя, стыдно верить в барабашек!

— С каким ещё прошлым?

Накамура стрельнула в Ватанабэ суровым взглядом, а та, ни секунды не колеблясь, сказала:

— С каким-каким? С тюремным.

— Я не сидела в тюрьме! — тут же взорвалась Накамура. — И говорю чистейшую правду: там какая-то бесовщина с этими записями!

— Что у вас происходит? — вмешалась Кейко.

Накамура и Ватанабэ переглянулись, а спустя каких-то пару минут все трое уже толпились в помещении охраны, запуская локальный видеорегистратор, на котором хранились записи с камер.

После долгой загрузки видео наконец появилось на экране. Цифры в углу складывались в дату — ту самую, когда Кейко нашла первый труп — и время, два часа ночи. Из номера вышел Хирано Сатоси, вальяжно зашагал по коридору, исчез за границей одного монитора, мелькнул на другом, но тут видеоряд захлебнулся помехами. Они рябью прошлись по выпуклому пузику монитора, зашуршали, но в следующую секунду растаяли, вернув изображение на экран. Однако теперь вместо Хирано Сатоси на полу валялся обезглавленный труп.

— То же самое со второй записью, — глухо сказала Накамура.

Ватанабэ поёжилась, но всё же выдавила:

— Очевидно, что убийца просто знал, как стереть запись. Вот и всё. Я уверена, что опытный хакер взломает нашу систему секунд за пять. Ну, может быть, за десять.

Накамура заспорила, но Кейко уже не слушала их. Она думала о том, что завтра ей придётся выйти в ночь, и о том, что она лучше будет голодать, чем останется один на один с засасывающей чернотой ночных коридоров отеля и убийцей, незримо присутствующим в этих стенах.

Кейко проглотила вязкую слюну. Ей будто саданули коленом под рёбра. Плевать, что убило их: человеческая рука, демоны-они или ёкаи — результат всё равно оставался тот же.

Они мертвы.

***

Дзинь… Дзинь… Дзинь…

Мобильник разрывался трезвоном, на экране мигало имя начальника, пытающегося дозвониться до Кейко. Та сидела на противоположном краю футона и обкусывала губы.

Она сталкивалась со смертью с самого детства. Она видела, как бабушка отрубает кроликам головы и сцеживает кровь, видела искалеченное тело мамы, когда её клали в гроб. В конце концов за последнюю неделю она насмотрелась на целых два обезглавленных трупа. Смерть дышала совсем рядом, но Кейко уже не могла выносить её близость.

Экран телефона на миг потух, высветив уведомление о пропущенном вызове, а потом снова загорелся, и оглушительная трель опять затарабанила по барабанным перепонкам. Кейко выдохнула, подтянулась, цепляя телефон пальцами, и нажала на зелёную кнопку.

— Да? — просипела она, и тут же на неё хлынул поток ругани начальника.

— Ёсикава, это что за дела?! Где тебя, чёрт побери, носит? Смена началась уже несколько минут назад!

— Простите, господин Игараси, но… — Кейко снова впилась в губу зубами, раскусывая её до крови. — Мне сегодня нездоровится, можно ли мне взять отгул? Я обязательно отработаю…

С мгновение господин Игараси молчал, а затем разразился потоком ругани.

— Если через полчаса ты не появишься на работе, я тебя не просто уволю, я сделаю так, что тебя не возьмут вообще никуда, кроме притона или борделя, ты поняла меня, Ёсикава?

Она зажмурилась и протолкнула слова через зубы:

— Да, господин Игараси, я скоро буду.

Сбросив звонок, Кейко вскочила на ноги, подхватила сумку, зашвырнув туда документы, немного еды, аптечку, после чего кинулась вон из квартиры. В себя она пришла на вокзале, когда в автоматическом терминале в строку с адресом прибытия вбивала Токио.

— Что я творю? — прошептала Кейко.

Она растёрла шею, помялась с ноги на ногу и села на электричку, едущую до станции возле «Ясураги-кан». Вечером электрички ходили плохо, и Кейко приехала позже, не уложившись в отмерянные начальником полчаса.

Входя в отель, она готовилась к тому, что господин Игараси сожрёт её с потрохами, размажет по стенке и с садистическим удовольствием будет повторять, что нашёл её на помойке, отмыл, приютил, став чуть ли не отцом родным. Но на ресепшене никого не было. Кейко выдохнула и, переодевшись в униформу, решила сделать вечерний обход.

Так Кейко дошла до коридора, ведущего к мужским баням. Свет всё ещё горел, пускай и слабо, вырывая из темени проход, увешанный эротическими гравюрами, и сидящее на полу, прислонённое к стене тело.

«Ещё один труп?» — подумала Кейко, и по спине пробежал полк мурашек. Она осторожно шагнула вперёд, подходя ближе, пригляделась.

— Господин Игараси? — глухо спросила она, и тот поднял голову.

— А, это ты, Ёсикава?

Он поднялся на ноги, хватаясь за стену, и устремил утомлённый взгляд на гравюры. Кейко учуяла терпкий запах алкоголя, и внутри неё свернулось тугим узлом тошнотворное омерзение. Этот запах она ненавидела больше всего на свете. Начальник перевёл взгляд на неё и хмыкнул.

— Выглядишь здоровой как кобылица. Значит, ты, дорогая моя, мне соврала?

Кейко прикусила язык, судорожно придумывая, что сказать, и в итоге согнулась пополам в извиняющемся поклоне, процедила сквозь зубы:

— Прошу меня простить, господин Игараси, я совершила ошибку.

Господин Игараси хмыкнул, шагнул к ней — так, что Кейко, всё ещё согнутая в поклоне, увидела лакированные носки его туфель прямо напротив своих глаз. Близко, очень близко.

— На меня столько всего навалилось в последнее время… — сказал он. Его тон был мягким, но эта мягкость — лишь лживая игра, Кейко практически наверняка знала это. — Эти убийства, проклятые полицейские, разворошившие здесь всё… Клиенты бегут из моего отеля. И ты, Кейко. Ты тоже хочешь сбежать, дорогая?

Он приподнял её за подбородок, заставляя выпрямиться, и Кейко непроизвольно шагнула назад, смахнула его руку и суженными зрачками впилась в нечитаемое лицо начальника. Он сделал ещё шаг, и Кейко вжалась спиной в стену.

Сердце рухнуло куда-то в желудок, когда руки Игараси сомкнулись клешнями на её плечах. Она кинулась в сторону, но не успела: Игараси силой вдавил её обратно в стену, прижал, запечатывая своим телом. Кейко задохнулась, внутренности скрутило воронкой, перемололо, вытолкнуло тошнотным комом ко глотке.

— Отпусти! — крикнула она, но жёсткая ладонь сдавила ей рот, перекрывая доступ к воздуху.

— Не кричи, — зашептал Игараси в ухо Кейко. — Не хочешь же, чтобы сюда сбежался весь отель и застал тебя в таком позорном виде? — Он нагнулся к её лицу, и Кейко почувствовала, как от отвращения кожа и мясо будто отслаиваются от её лица, оставляя лишь голый череп. — И помни, Кейко: ты мне обязана. Я же взял тебя, глупую, без образования, с папашей-алкашом, который ещё и сгнил в тюрьме…

Кейко укусила ладонь Игараси и, стоило ему отдёрнуть руку, что было силы закричала:

— Накамура! Ватанабэ! Кто-нибудь, помогите!

Но в следующую секунду Игараси сомкнул руки на её горле. Кейко захрипела, забилась в попытках высвободиться, заскребла ногтями по ладоням Игараси.

— Отпущу, если обещаешь быть посмирнее, — ласковым тоном пообещал он.

У Кейко закатывались глаза, по щекам катились крупными градинами слёзы. Прямо над ней висела картина с ныряльщицей, тело которой оплетали мерзкие щупальца осьминогов. То же самое произойдёт и с ней. Так, может, лучше сразу умереть?

Смерть. Вмиг она показалась Кейко слаще всего на этом свете. Быстрая, славная смерть. И месть. Кейко отчётливо осознала, что хочет мести. Хочет вонзиться когтями в лицо Игараси, расцарапать его, выдавить глаза и вырвать сердце. Но вместо этого она вынуждена корчиться, задыхаясь под этими унизительными гравюрами.

Если ей удастся переродиться, она хотела бы стать ведьмой, как Такияша-химэ, призвавшая гашадокуро для возмездия.

Громкий хруст, такой, будто ветер переламывает целую рощу, наполнил слух. Кейко казалось, что это смерть подступает к ней, гремя костями, но вдруг всё стихло, и только перезвон фурина доносился откуда-то издалека, будто из другого мира, но с каждой секундой всё нарастал, нарастал, и вот уже целый колокол ревел у неё в ушах.

Хватка Игараси ослабла, и Кейко сползла на пол, закашлялась, отхаркивая на пол скопившиеся во рту слюни. Она взглянула на Игараси и замерла. Из окна прямо на них глядел пустыми глазницами гигантский скелет.

«Гашадокуро!» — с ужасом поняла Кейко.

Гашадокуро просунулся в окно, ухватил Игараси и рванул его на себя, тот уж было завопил, но одним лёгким движением скелет свернул ему шею, после чего откусил голову и выпил кровь.

Кейко не могла и пальцем пошевелить, неотрывно глядя на гашадокуро, боясь отвести от него взгляд хотя бы даже на секунду. Всё внутри неё вопило: «Беги!», но тело не двигалось. Кейко не дышала, не моргала, и, казалось, даже кровь внутри неё остановилась, оледенев в жилах.

Она перевела взгляд на тело, секунду назад душившее её. Труп лежал на полу, распластанный и с раскинутыми руками. Он выглядел отвратительно, от одного взгляда на него хотелось исторгнуть всё, что съела за день. Но вместе с тем Кейко чувствовала ещё что-то. Что-то такое, о чём нельзя говорить, о чём нельзя думать, чего нельзя чувствовать.

Она чувствовала пьянящую радость освобождения.

Кейко провела пальцами по горлу, всё ещё пылающему от удушения, и расхохоталась весело и звонко. Казалось, вместе с пальцами Игараси от её шеи отвалился и цепкий ошейник, державший её на привязи, как собаку.

Вдруг гашадокуро прямо на глазах начал сжиматься, складываться, будто переламываясь в тысяче мест единовременно. И, когда перед Кейко, утирая лицо, предстала Тайра Йору, та самая женщина, которую Кейко с трудом зарегистрировала пару дней назад, внутри неё всё будто замерло от страха и трепета.

— Что… Что ты такое?.. — просипела она.

Тайра Йору улыбнулась ей так, как когда-то улыбалась мать, шагнула к ней и, сев напротив, утёрла её лицо от слёз.

— Я ваша обида, — сказала она.

— Ваша? — переспросила Кейко.

— Женщин.

Тайра Йору улыбалась, и в её голосе звучало что-то похожее на голос матери Кейко. Или на голос Юко. И на её голос, на голос Ёсикавы Кейко. Она склонила голову и снова заговорила этим странным, тысячезвучным голосом:

— Мы — кости женщин, обиды женщин, боль женщин. Мы — женщины.

Кейко всхлипнула, зажмурилась, но, когда открыла глаза, Тайры Йору уже нигде не было. Не думая больше ни секунды, Кейко вскочила на ноги и бросилась бежать. Она не оглядывалась

на обезглавленное тело Игараси, в котором не осталось ни капли крови, не оглядывалась на распахнутое окно, через которое гашадокуро просунул голову и руки.

«Дзинь-дзинь-дзинь!» — зазвенел фурин, когда Кейко, распахнув дверь отеля, выбежала на улицу. И этот звук, точно прилипнув к ней, понёсся следом. Прохладный ветер летней ночи хлынул в лицо, целуя мокрые щёки. Кейко бежала и не могла остановиться.

Завтра она напишет заявление об увольнении. Соберёт вещи, купит билет до Токио и уедет прочь из этого города, прочь от этого дурацкого отеля с не менее дурацким названием «Ясураги-кан», от усталости и от пожиравшего её страха.

Кейко уедет навстречу своей свободе.

Fuoco Orri
Из двух зол

Солнце поднялось над горизонтом, касаясь холодными лучами снежных покровов земли. Сугробы сверкали крохотными искорками, создавая невероятно яркий контраст с чистым голубым небом. Было девять утра, и на окраине большого города вовсю кипела жизнь: мимо многоэтажек и пёстрых магазинов ездили по дороге машины, спешили по тротуарам пешеходы в тёплых куртках, а вдали валил дым из огромной трубы на заводе. Пожалуй, он был единственным, что портило картину городских будней, как неудачный штрих на прекрасном полотне.

Выделялось и ещё кое-что: посреди бесчисленных жилых домов и магазинчиков высился отель. Небольшой — в четыре этажа — и оформленный в западном стиле. Он походил на виллу иностранного богача и приковывал к себе взгляды любого, даже того, кто жил в этом городе уже давно. Территория его была огорожена высоким кованым забором чёрного цвета, а за ним расположилась парковка с несколькими машинами на ней. Через широкие открытые ворота въехало такси — белая иномарка с «шашечками» на крыше. Проехав несколько метров вперёд, автомобиль остановился у свободного места на парковке, но занимать его не стал — вместо этого его задняя дверь открылась, и из салона вышел молодой мужчина в тёмно-зелёном пальто, с красивой чёрной тростью в левой руке и с чемоданом — в правой. Он кивнул водителю и, бросив взгляд на отель, зашагал ко входу. Позади мужчины раздался лёгкий хруст — такси разворачивалось на свежем снегу. Вскоре шум автомобильного двигателя начал удаляться, пока и вовсе не слился с городской суетой.

Молодой человек с чемоданом не обернулся, ибо внимание его приковало здание впереди, и сложно было сказать, что именно таил в себе этот взгляд. Он выдохнул ртом, выпустив клубы пара, и, помогая себе тростью, добрался до просторного порога. Стоило ему войти через стеклянную дверь, как тепло тут же окутало тело: по сравнению с колючим морозом на улице здесь царили настоящие тропики. Внутреннее убранство радовало: просторное помещение, от которого тянулись два коридора; начищенный паркет; картины на стенах, современное освещение, диванчики для посетителей и большая стойка регистрации. Сейчас в комнате находилось несколько людей: молодая девушка сидела в компании подруги на одном из диванов и пила кофе в стаканчике; парень стоял у окна, наблюдая за городом. Мужчина с тростью, не особо сосредотачиваясь на них, направился к стойке, за которой, уткнувшись в экран компьютера, сидела опрятная женщина. Увидев нового гостя, она сразу же натянула на лицо дежурную улыбку:

— Добро пожаловать в отель «Меридиан»! Чем я могу помочь?

— Добрый день, у меня бронь на имя Сазонов Ян, — отозвался он приятным тенором, в спокойном тоне которого, впрочем, чувствовалось нечто тяжёлое.

— Минутку. — Женщина вновь посмотрела в экран, пощёлкала мышью, застучала ноготками по клавиатуре. — Нашла вашу бронь на номер семнадцать. Прошу, подтвердите вашу личность.

Как и полагается, он показал паспорт. Администратор шустро вбила данные, а затем произнесла со всей серьёзностью:

— Так, проверяем. Сазонов Ян Валерьевич, двадцать пять лет, дата рождения — девятнадцатое марта двухтысячного года. Всё верно?

— Да, верно. — Он кивнул немного отрешённо, глядя куда-то за плечо женщины.

Их беседа продлилась ещё какое-то время, пока Ян заполнял бланк регистрации и проходил оставшиеся круги заселения. Когда процедура закончилась, администратор с неизменной улыбкой выдала ему ключ-карту и отправила в уже подготовленный номер.

Отойдя от стойки, Ян тихо вздохнул и направился в сторону одного из коридоров, где находился лифт. Обычно он вёл себя более дружелюбно, но сегодня голова его была забита хмурыми мыслями. По ярко освещённому проходу с коричневым ковром и с номерами по правой стороне он добрался до лифта и уже хотел нажать кнопку вызова, пребывая в своих думах, как вдруг двери отворились с мягким «дзинь». Ян не успел понять, что случилось, как кто-то врезался в него, чуть не сбив с ног. Благо трость помогла не рухнуть на пол. Ян отошёл на шаг, цокнув языком.

— Ох, простите Бога ради, совсем не вижу, куда иду! — раздался взволнованный мужской голос.

Ян поднял взор своих зелёных глаз на его обладателя и на секунду задержал дыхание: перед ним стоял полный человек среднего возраста, одетый в дорогой костюм, а на его приятно круглом лице застыла виноватая улыбка.

— Ничего страшного, мне тоже не стоило витать в облаках. — Его левая рука непроизвольно дёрнулась. Хотя со стороны казалось, будто дёрнулась сама трость в ней. А может, не так уж и казалось?

Полный мужчина неловко усмехнулся, махнул рукой и, извиняясь, пошёл по направлению к стойке регистрации. Ян успел заметить на его груди золотистый бейджик с надписью в два ряда: «Тихонов Григорий Николаевич, Владелец отеля».

«Вот как», — подумал он, чуть заметно поджал губы и крепче стиснул трость пальцами.

***

В конце концов, Ян нашёл свой номер. Одноместный, весьма уютный и оснащённый всеми удобствами. Здесь, на третьем этаже, как и на остальных, царила удивительная тишина, даже несмотря на то, что почти все двадцать восемь комнат отеля были заняты. Мельком осмотревшись вокруг, Ян прошёл вглубь номера: коричневые обои, изящная отделка, светлых оттенков мебель. Он положил свой чемодан на кровать, прислонил к ней же трость и подошёл к окну. Взялся руками за задёрнутые шторы и лёгким движением открыл их. Номер тут же наполнил солнечный свет, заскользил по стенам, столику напротив постели и по волнистым волосам Яна цвета блонд, делая их почти золотыми. За окном бурлил жизнью город, брели по делам люди в разноцветных куртках, ездили машины и высокие автобусы.

«У меня осталось не так много времени. За администратором уже появилась безликая тень, да и…» Он отпустил шторы, повернулся к кровати.

И краем глаза успел выцепить тёмный силуэт, нырнувший за изголовье постели.

«…кое-кто уже начинает вести себя активнее. Я чувствую, как вокруг отеля скапливается мрак. Нужно думать быстрее, найти иной способ решения». Ян едва заметно нахмурился, переводя взор на трость — на, казалось бы, обычный предмет, но только не для него.

Не медля более ни минуты, он подошёл к чемодану, раскрыл его и вынул оттуда весьма занятное содержимое: свечи, длинный кинжал, несколько старинных, потрёпанных временем книг со странными символами на обложках и красные верёвки. Затем со всем этим уселся за столик, на котором стояло небольшое квадратное зеркало, и принялся листать одну книгу за другой. Внимательно, неспешно, вчитываясь в каждую букву на хрупких жёлтых страницах. Иногда он прерывался: задумчиво вертел в руках свечи или бессмысленно глядел на верёвки. Точнее, куда-то сквозь них. Временами Ян чувствовал запах женских духов, лёгким шлейфом проносящийся по комнате из ниоткуда, а иногда слышал, как нечто очень тихо, будто предупреждающе, скребётся в его дверь.

***

Вечерело. Солнце почти село за горизонт, окрашивая небеса в огненно-малиновый цвет, по городу зажглись фонари, вспыхнули неоном вывески магазинов. Отель оставался всё таким же тихим, но атмосфера в нём изменилась: каждый постоялец начал чувствовать мрачный взгляд в спину, от которого невольно хотелось съёжиться. Ян оставался в своей комнате, за столом. Он не стал включать свет, а вместо этого зажёг пару свечей и поставил их рядом с собой. Пламя разгоняло полумрак помещения и отбрасывало на стены причудливые тени. Однако это было не единственное, что оно делало. Перевернув последнюю страницу одной из книг и дойдя до потрескавшейся чёрной обложки, Ян резко закрыл её, сонно провёл рукой по лицу и повернул голову к зеркалу. Увидел следы усталости на своём лице, две родинки под левым глазом и одну — под правым, увидел свою разделённую надвое чёлку. И изувеченную женщину прямо за спиной, по щекам которой струились кровавые слёзы. Он не испытал ни страха, ни удивления, не показал ни единой эмоции. Вместо этого лишь шепнул, закрыв глаза:

— Матери даже после смерти хочется поскорее воссоединиться со своим дитя, да?

А когда открыл их, женщина в отражении пропала.

***

Всё началось пару дней назад. Ян приехал в этот город по заказу клиентки, которую мучило нечто потустороннее в родной пятиэтажке.

— Эта Сверхъестественная полиция отказалась мне помогать! Дескать, они занимаются только живыми нечеловеческими расами, а мёртвых контролировать не могут! Ну и стала я искать помощи, а потом как рассказала подружка мне о вашей семье Сазоновых! Говорит, у вас все — потомственные медиумы, а потому должны быть очень сильными! — Это было первое, что он услышал от неё по прибытии на место.

Пожалуй, по большей части она была права, но даже «потомственность» не давала гарантии силы, и Ян это очень хорошо запомнил после того, как был вынужден ходить с тростью из-за неправильно проведённого ритуала. Как и всегда, он осмотрел жилище клиентки и само здание, после чего выявил и забрал с собой причину её тревог. А источником стала неупокоенная душа мужчины, которая очень сильно хотела вернуться к семье.

Он застрял у чужих, потому что его искалеченный труп был по частям растворён в кислоте прямо в подвале этой пятиэтажки где-то лет тридцать назад.

Ян честно рассказал всё клиентке и даже предложил вызвать полицию — обычную, — но та испугалась и не захотела связываться с криминалом, а потому просто попросила его разобраться с потусторонней частью проблемы.

Желание клиента — закон, даже для медиума, так что Яну ничего не оставалось, кроме как уехать вместе с убиенной душой, предварительно заключив её в ритуальный клинок, спрятанный в трости.

«Семью этого мужчины, отца и мать, жестоко убили в отеле, которым они владели, а его самого поймали в подвале пятиэтажки, в которой он жил на тот момент. Сделал это их неприятель и нынешний хозяин отеля, Григорий. Не своими руками, но присутствуя при каждом убийстве. Лихие девяностые были». В конце концов, Ян узнал полную историю того, чей дух собирался упокоить.

И это принесло лишь новые проблемы, с которыми он сейчас и пытался справиться.

«Неупокои этого семейства жаждут возвращения своего сына, а после — смерти своего обидчика. Стоит мне освободить душу мужчины в этом отеле, как призраки убьют Григория Тихонова и благополучно уйдут в небытие. Но у самого Григория останется маленькая дочка.

Не хотелось бы лишать дитя, может быть, единственного родителя. В то же время, чем дольше я тяну, тем сильнее злятся души, и назло мне они начнут вредить невинным постояльцам, требуя своего ребёнка назад. Если бы я только знал, что этот процесс запустится после того, как я помещу его душу в клинок…»

***

От нескончаемых тяжёлых мыслей у Яна болела голова. Он с детства привык быть медиумом — мыслить как медиум, воспринимать мир как медиум. Знал, какие последствия несёт его бремя и как оно с каждым годом отдаляет его от нормальных людей и сближает с самой Смертью. Даже сейчас он ясно осознавал, что его беспокойство за человеческие жизни и за дочку Григория не было надрывным или острым, оно больше походило на неприятное волнение, без перерыва саднящее в груди. Но Ян не был против: ему даже нравилась такая судьба. Он безропотно её принял, но до сих пор не мог смириться с ситуациями, принуждающими выбирать между живыми. Прямо как в задачке о вагонетке.

«Я работаю с мёртвыми, но они то и дело хотят повлиять на тех, кто ещё ходит по земле».

Он поднялся из-за стола — ножки стула скрипнули по деревянному полу. Все книги и атрибуты оставил на том же месте, ибо в них пока не нуждался. Ян расстегнул пуговицы своего пальто, снял его, а затем повесил на спинку стула и остался в одной белой рубашке с чёрным галстуком и в такого же цвета брюках. Внутри что-то противно скребло.

«Сейчас именно из-за меня могут погибнуть все в этом отеле, пока я оттягиваю неизбежное. Пожертвовать одним ради толпы? Или искать иной путь, жертвуя частью этой толпы? Я не могу сказать, сколько человек пострадает, пока я придумаю способ упокоить целую семью без кровопролития. Выйдет ли? Или…»

Ян тихо выругался под нос — потерял нить в собственных рассуждениях и решил оборвать их на середине. Он дал себе ровно сутки на поиски мирного решения — именно на это время обычно хватало терпения у душ, — а по истечении срока они начнут жатву и будут продолжать её, пока не получат сына обратно и все вместе не уничтожат своего убийцу. Без недостающего члена семьи они этого делать не станут.

«У меня времени до следующей ночи. Насильно изгнать души здесь я не вправе — во время исчезновения они от ярости просто перебьют всех, и отель пополнит список печально известных мест массовой гибели от призраков».

Ян уселся на кровать и посмотрел в окно, за которым нависла чернота, подчёркнутая белым снегом, искрящимся под светом фонарей. Дул сильный ветер.

«Нужно усерднее работать».

***

Ночью отель не спал, и дело было далеко не в его постояльцах. По крайней мере, не в живых. Сидя на краю кровати и положив локти на колени, Ян отчётливо ощущал, как тьма и злоба заполняли каждый угол здания, скреблись в двери номеров и забирались в мельчайшие трещинки на стенах. Он продолжал искать выход из ситуации, не желая жертвовать даже убийцей.

«Мне совсем не жаль его. Мне жаль его маленькую дочь, поэтому я не могу заставить себя исполнить желание семейства. Не люблю свою работу, когда дело касается детей: они не должны быть впутаны в разборки взрослых». Руки его свободно свисали вниз, а под глазами залегли тёмные круги.

Ритуальные свечи продолжали гореть подле небольшого зеркала на столе — так Ян приманивал к себе всё сверхъестественное, чтобы ничего не пугало других людей. Впрочем, он не мог гарантировать, что это сработает в полной мере.

Топ.

Он резко вышел из мыслей и устремил взгляд к входной двери — за ней, где-то недалеко в коридоре, раздавались грузные шаги.

Топ… Топ…

Медленные, шаркающие, они постепенно приближались, и вскоре их тяжёлый звук оказался напротив номера Яна. Послышалось хриплое дыхание, сбивчивое и клокочущее, оно сопровождалось неприятным звуком, словно его обладатель пытался отхаркнуть нечто, плотно застрявшее в горле. Обычному человеку могло показаться, что кому-то требовалась помощь, но Ян не сдвинулся с места — лишь опустил взгляд и всмотрелся в щель под дверью. Тени не было, хоть незнакомец и находился в освещённом коридоре прямо за тонкой прослойкой дерева.

«Твой отец, — Ян повернул голову к трости, стоящей всё на том же месте. — Если правильно помню, он погиб от удушья: ему затолкали в горло губку для мытья посуды».

Мертвец ещё какое-то время провёл у двери, издавая нестихающие предсмертные хрипы, полные агонии, а затем внезапно пропал. Наступила звенящая тишина.

И тут же бессильные вдохи раздались из угла комнаты Яна — в полутьме, посреди танцующих теней от свечей, возник образ высокого мужчины в деловом костюме. Даже при таком плохом свете без труда можно было разглядеть его синюшную кожу на лице и багровые трупные пятна на шее и руках. Он не двигался, не пытался напасть, не моргал — просто стоял, повернув голову с высохшими глазами к Яну, и бесконечно задыхался.

«Ритуальные свечи на него работают — это хорошо. Пусть остаётся здесь и не пугает гостей. Мне он всё равно не навредит, а к компании Смерти я уже давно привык». Тот кинул на убиенную душу короткий взгляд и вновь погрузился в размышления о способах избежать жертв. В конце концов, он ведь не был лишён чувств.

Так прошло около получаса. Ян поднялся с кровати и принялся мерить номер шагами, глядя в пол. Ему ужасно хотелось спать, а от мыслей начинало тошнить. В один момент он достал из кармана брюк телефон и застучал пальцами по экрану.

«Позвонить отцу с матерью и попросить помощи? Они ведь опытнее меня, — терзания продлились недолго, и в итоге Ян встряхнул головой и убрал мобильник обратно. — Меня обучили всему, что необходимо. Сам должен решать подобные вопросы».

Он сделал ещё несколько шагов, уже к столу, когда почувствовал изменения в коридоре отеля. Ещё душа. Откуда-то слева, очень далеко, послышался громкий женский плач. Такой надрывный и отчаянный, что невольно сжималось горло. Несколько минут рыдания разрывали пространство третьего этажа, пока, наконец, Ян не услышал, как открылась дверь соседнего номера. Затем ещё одна. Кажется, несколько человек вышли в холл и теперь тихо, недоумённо переговаривались. Вскоре паркет под их ногами зашуршал — они миновали номер Яна и направились, судя по всему, к источнику голоса. Отовсюду сильно запахло терпкими женскими духами. Прямо как днём.

«Сейчас она не причинит вреда, но поднимет шумиху во всём отеле, а мне это совсем не нужно». Ян выдохнул через рот, насильно удерживая глаза открытыми, и подошёл к столу, где помимо свечей оставались лежать красные верёвки и кинжал.

Усталость давала о себе знать: голова гудела, а вдохи агонии из угла комнаты стали раздражать. За окном ничего не было видно, ибо началась снежная буря.

— Иди ко мне. Иди ко мне. Иди ко мне, — размеренно зашептал он одними губами, взяв кинжал в правую руку и проводя остриём по пальцам левой. Не слишком глубоко, но так, чтобы этого движения хватило сполна.

Кровь выступила на его бледной коже, а затем с тихим стуком несколько капель упали на одну из верёвок. Плач тут же прекратился, а отель вновь погрузился в спокойствие. Правда, лишь видимое. Закончив шептать, Ян повертел головой по сторонам — новых гостей в номере не появилось.

«Просто ушла? Тоже неплохо». И он направился к постели.

Через несколько минут из холла донеслись шаги — люди, вышедшие на помощь плачущей, возвращались обратно в свои комнаты. Ян слышал их неразборчивый шёпот, полный непонимания, и в душе его возникла слабая волна облегчения.

«Ну и отлично, лучше пусть недоумевают. Я не в силах контролировать весь отель, пускай и сделал сильную приманку для душ, так что, если кто-то из неупокоев оставит меня и решит насолить постояльцам на других этажах, есть вероятность, что ему это удастся. Ну… Во всяком случае, сегодня точно никто не умрёт».

Стоило ему осознать это в полной мере, как копившееся переутомление тут же дало о себе знать: словно почуяв брешь в стойкости Яна, тело его налилось свинцом, и, не успев даже сообразить, он просто уснул полусидя на мягком матрасе.

***

Ян редко видел сны. Обычно это либо кромешная тьма, либо смутные образы на таком же смутном пейзаже, о которых он забывает сразу же после пробуждения. Но не в этот раз. То ли наяву, то ли в полудрёме, он отчётливо осознавал, что спит. Разве возможно такое? А впрочем, не ему, медиуму, говорить о невозможном. Перед глазами его была мирная чернота, а вокруг — неспокойная тишина, прерываемая всё той же агонией мёртвого мужчины в углу. Ветер за окном постоянно кидал комья снега прямо в стекло, и те тихо подрагивали. Ничего подозрительного, но…

Вдруг до Яна донёсся новый звук — шелест одежды. Повеяло прохладой, но не зимней и приятной, а могильной и сырой. Шелест становился всё ближе, а затем Ян ощутил прямо перед лицом сухое, тяжёлое дыхание. Чужое. Нечто мягкое, будто длинные ленты, коснулось его. Мужчина в углу захрипел сильнее, из его глотки стали доноситься неясные стоны. Ян почувствовал, как нечто очень холодное притронулось к его шее с двух сторон, как оно осторожно, даже бережно, обхватило её. И не сразу понял, что это чьи-то пальцы. Сердце забилось чаще, но пока он не пытался открыть глаза.

Эти пальцы внезапно одеревенели, а после Ян услышал хруст собственных позвонков. Невыносимая, лишающая рассудка боль тут же наполнила всё его естество, он хотел закричать, но ничего не получалось, хотел вдохнуть, но воздух отказывался поступать в лёгкие. Ян забился в конвульсиях, так и не сумев открыть глаза, а мертвец в углу зашёлся в жутком утробном вое. В ушах стоял ужасный шум: звук сминаемой, как в мясорубке, плоти с шейными позвонками, психотические стоны трупа и удары собственных ног по матрасу. Ян забулькал кровью и…

Испуганный женский крик разбудил его. В холодном поту, бледный, он вскочил на кровати и принялся судорожно, рвано дышать, держась руками за шею. Его трясло, а разум в панике отказывался соображать.

«Всё… Всё, это сон… Всё, это просто душа хотела напугать, всё…» — старался он успокоиться, насильно заставляя себя держать руки на шее, дабы окончательно принять, что тело в порядке.

Неупокои требовали того, кто по праву принадлежит им.

Ян сделал ещё несколько глубоких вдохов, унимая накатывающий ужас и грохочущее сердце, и только после этого услышал, как кто-то очень громко ругается на втором этаже под ним.

«Точно, девушка же кричала. Это было уже наяву. Гости с той стороны что-то сделали?» — после этих мыслей он взял себя в руки и быстро настроился на рабочий лад.

Поднялся с постели и, чуть пошатываясь, направился к двери. Нужно проверить, что происходит. По пути к выходу Ян кинул короткий взгляд на саму комнату: снаружи пылало радостью голубое небо, в окно лился солнечный свет, а настенные часы показывали половину десятого утра. Свечи на столе догорели, и, самое главное, труп пропал из угла.

«Естественно, ведь приманка исчезла. Нужно было не засыпать и поставить новую. Займусь этим, как вернусь». Ян поправил свой галстук и вышел в коридор, решив не накидывать пальто.

Сегодня отель был гораздо более оживлённым, нежели вчера: в холле чаще встречались люди, только вот многие из них выглядели бледными, обеспокоенными. Кто-то тащил за собой чемоданы и направлялся к лифтам. Яну всё это не нравилось. По лестнице, ибо так быстрее, он спустился на второй этаж и сразу увидел ругающихся: две девушки кричали на владельца отеля, Григория Тихонова. Тот стоял, постоянно вытирая пот с блестящего лба, лицо его стало красным. Он неуверенно вставлял ничего не значащие реплики, пока девушки наседали на него:

— Из-за вашего отеля это произошло! Всё ещё будете утверждать, что я сама себе руку вспорола?! Обо что?! О матрас ваш?! — Одна из них сунула ему почти под нос свой локоть в бинтах, пропитанных свежей кровью.

— Возьмите уже ответственность! Вы обязаны были уведомить, что здесь обитает сверхъестественное, и искоренить его! Вам как вообще в такой опасной зоне лицензию выдали?! — кричала вторая, активно жестикулируя.

— У нас нет ничего потустороннего, нас проверяли… Вы же знаете, как строго всё с законами стало после открытия нечеловеческих рас… — беспомощно лепетал Григорий с округлившимися глазами.

Ян на расстоянии от них прислонился спиной к стене, делая вид, что кого-то ждёт.

— Да куплено всё у вас! То рыдал кто-то в стене полночи, то по дверям скребли! Вы хоть знаете, сколько мы натерпелись за сегодня?! А потом ещё и порезал кто-то! Сверхъестественную полицию сейчас вызову, пусть разбираются! Может, вы скрываете потусторонние расы и позволяете им тут бесчинствовать! — Девушка с бинтами едва не плакала, явно пребывая в сильном стрессе.

Мимо проходили другие гости, многие из них специально притормаживали, чтобы услышать больше подробностей чужой ссоры. И, понимая её смысл, принимались тихо переговариваться друг с другом.

— Валь, заканчивай с ним разговор! Мы уезжаем сейчас же! Вы нам ещё компенсацию выплачивать будете! — Вторая, взмахнув руками перед владельцем, злобно фыркнула и потянула девушку за собой в номер.

Растерянный Григорий рванул за ними, словно брошенная собачонка. Видимо, хотел уговорить их остаться, так как часть постояльцев уже съезжала. Не все, конечно. Пока что. Ян не сразу отошёл от стены — вместо этого скрестил руки на груди и уставился в пол.

«Это из-за меня и души в моём клинке, — заключил он, но без рвущего сердце чувства вины. Скорей, как пренеприятный и жестокий факт, который следовало изменить. — Предупреждают, что сегодня ночью начнут обрываться жизни. Решение я так и не придумал, поэтому…»

Мысль он не закончил. И так было ясно — некогда больше оттягивать неизбежное, а иных путей нет, собери он хоть все самые мощные артефакты медиумов.

***

По дороге в свой номер Ян встретил ещё несколько человек, покидающих отель, и все их короткие разговоры были об одном и том же: странные звуки, дыхание у лица, чужое присутствие и чьи-то ногти, впивающиеся в кожу. Один гость, оказывается, и вовсе чуть было не сломал ногу, когда рванул из ванной, испугавшись не своего отражения в зеркале. Григорий Тихонов и работники отеля наверняка сейчас бегали по этажам, пытаясь вернуть посетителей или хотя бы спасти репутацию заведения, а бедная администратор, вероятно, не успевала оформлять выезды из номеров. Тем не менее были и те, кто даже не думал покидать стены здания: кто-то рассчитывал на банальный «авось»; кто-то считал, что беда точно не придёт к нему, а в ком-то проснулась жажда острых впечатлений. И ради всех них Ян был обязан сделать хотя бы что-то до заката.

«Хватит тратить время, — размышлял он, сунув руки в карманы брюк и поднимаясь по лестнице на третий этаж. Выражение на его бледном лице едва заметно выдавало нечто вроде обречённости. — Не знаю, что будет с дочерью Григория, когда она останется без отца, но я не Бог и не дьявол — не могу щёлкнуть пальцами и подарить всем спасение или забвение. Одна смерть против десяти — жестокая необходимость в моей работе. Кто-то должен сделать этот выбор, а мне к подобному не привыкать, даже если подсознательно я очень не люблю это».

Добравшись до холла, Ян замедлил шаг: начала побаливать левая нога. Нужно было взять трость, знает ведь, что долгая ходьба приносит ему не самые приятные чувства. Похрамывая, он ещё немного прошёл вперёд, а после остановился и пропустил оживлённую парочку юнцов, девушку и парня, которые с ярой увлечённостью щебетали между собой:

— Круто, настоящий отель с призраками! Скорей снимай видос!

— Блин, было бы ещё круче, будь мы медиумами или сверхъестественной расой, — залили бы ролик, где разматываем этих духов только так!

Их слова заставили Яна криво приподнять уголок губ — обычные люди, они даже не представляли, что такое медиум. Загадочные образы, красивые ритуалы и томные взгляды из-под чёлки, сопровождающиеся таинственными предсказаниями — всё это бывает только в дешёвых шоу по телевизору. Реальный же медиум — это тот, кто орошает себя своей же кровью ради результата, кто утопает в грязи весной и в снегу зимой, чтобы добраться до нужного мертвеца, кто страдает от болезней из-за неудачных ритуалов и, в конце концов, тот, кому приходится иногда убивать живых. Мало кто выдержит такую работу — её необходимо делать смыслом своей жизни.

Когда парочка упорхала к лифтам, Ян продолжил путь до своего номера. Дошёл до нужной двери, открыл её ключ-картой и, всё ещё хромая, добрался до трости у кровати. Стоило ему опереться об неё, как напряжение с левой ноги начало постепенно уходить, становилось легче. Однако эта верная подруга сейчас нужна была ему не только из-за проблем по здоровью: клинок с душой всё ещё оставался внутри. Ян мельком осмотрелся вокруг: никаких признаков потустороннего, только лучи солнца, трогающие деревянную мебель да морозные узоры по низу незашторенного окна.

«Что ж».

Вместе с тростью он дошёл до стола, где ночью горели свечи, а затем взял её в руки и осторожно раскрутил механизм у основания рукояти — послышался тихий щелчок. А за ним — мягкий, бархатный звон металла. Ян потянул за рукоять, и из шафта выглянул длинный, изящный клинок. Сделанный из серебра и зачарованный по всем канонам медиумов, он переливался на свету разными оттенками, как хамелеон, и был самой большой драгоценностью Яна — не из-за цены, но из-за своей истории, ибо служил верой и правдой и ещё ни разу не подводил.

«Надеюсь, никакая уборка номера мне не помешает вернуть сына семье. А хотя, пока что горничным не до уборки», — подумал он, положив клинок на стол.

Ещё нужны свечи и, конечно, кровь медиума, как проводника, после чего можно начать ритуал. Последний как для погибших, так и для их убийцы.

***

Охране отеля сегодня было нелегко: то особенно любопытная парочка пыталась проникнуть в рабочие помещения с целью «исследовать неизведанное», то другие гости высказывали претензии из-за «некачественной защиты здания», то им самим хотелось уйти из этого дурдома. Женщина на посту администратора уже не знала, как сдерживать подступающие слёзы: многие из тех, кто съезжал, разговаривали с ней так, словно это именно она виновата в появлении сверхъестественного. Остальному персоналу, тоже напуганному странными событиями, доставалось не меньше, ибо люди, пребывающие в бешенстве или страхе, временами совсем не контролировали, на кого изливали эмоции ради собственного облегчения. Сутолока, особенно на первом этаже, продолжалась уже около часа и, казалось, останавливаться даже не собиралась.

Пока со второго этажа не донёсся человеческий крик, наполненный ужасом. Первобытным, животным, бессвязным. Большая часть людей, которая услышала его, замерла на месте, остальные же мигом поспешили вниз или на выход, будто могли стать следующими, кто начнёт вопить. Никто не понимал, что происходит, пока на том же втором этаже гости и работники не заметили, как по коридору, спотыкаясь, чуть ли не плача, бежит Григорий Тихонов, то и дело выкрикивая:

— Вы должны были сдохнуть! Сдохнуть! Сдохнуть! Сдохнуть! — ненормальным голосом, на грани срыва.

Глаза его были на выкате, стеклянными.

Люди шокировано переглядывались, кто-то не на шутку перепугался, а кто-то разозлился, посчитав, что эти слова адресованы им. После Тихонова в неадекватном состоянии видели на третьем этаже. Он нёсся вперёд, визжа и грубо распихивая всех перед собой. Лишь один гость, вышедший в этот момент в коридор, не проявил никаких эмоций — только кинул на обезумевшего мужчину равнодушный взгляд и придержал рукой горничную, которую тот слишком сильно толкнул.

— Что опять случилось? — тревожно пробормотала она. — Теперь ещё и владелец рехнулся? Что вообще происходит с этим местом…

— Я думаю, лучше уйти отсюда. То нелюди бушуют, то теперь люди, — ответил Ян негромко, немного мрачно. Во взгляде его было напряжение, но отвлечённое, не из-за поведения Тихонова.

— Кошмар… Как теперь в гостиницах работать? До конца дней весь этот хаос перед глазами будет. — Деревянными движениями она покачала головой и тут же направилась в сторону лестницы.

Может, чтобы последовать его совету, а может, чтобы забиться куда-нибудь в угол и надеяться, что беда минует её. В коридоре ещё оставались те, кто не знал, что делать, но большинство, судя по обрывкам разговоров, решили покинуть отель.

«Здание, утопающее в крови, никогда не принесёт счастья владельцу. Через год или через тридцать лет, но злоба, заключённая в нём, всё равно явит себя. Не принеси я сюда душу сына семейства, и через пару лет неупокои бы просто устали ждать и начали убивать всех. Так и так — этому отелю суждено закрыться, вопрос лишь в том, с каким количеством трупов».

Ян не спешил уходить, подобно другим. Как медиум, он хотел убедиться, что всё ограничится одной жертвой. И ждать развязки ему оставалось совсем недолго.

***

Когда Тихонов, как раненый зверь, с громкими хрипами ворвался на четвёртый этаж, его увидели несколько человек — маленькая компания, тихо разговаривающая у одного из номеров. При виде него они резко умолкли, а глаза их округлились: им и так было слышно, что внизу происходит нечто странное. Владелец отеля всё продолжал с неистовой ненавистью и слезами в голосе кричать:

— Сдохнуть! Сдохнуть! Должны были сдохнуть!

Ноги его уже заплетались от долгого бега, он то и дело оборачивался, словно за ним гнался неуёмный хищник, а затем принялся, как ошалелый, носиться от одной двери к другой и с силой дёргать ручки, почти выламывая их механизмы внутри. Никто не понимал, что он делает, что видит и что чувствует, никто не подходил к нему — все банально испугались. Не найдя ни одной двери, которая могла бы принять его, Тихонов с громким, надрывным стоном побежал к ближайшему окну и начал спешно, то и дело ударяя по раме кулаком, открывать его. Всё произошло в считанные секунды — окно открылось, одна его часть отъехала в сторону, и в коридор хлынул ледяной ветер с улицы и мелкий, частый снег. В этот момент компания поняла, что сейчас произойдёт, — они кинулись к Тихонову. Некоторые начали выходить из номеров, силясь найти причину шума, а некоторые, увидев картину у окна, охнули.

Пара человек из компании добежали до владельца отеля и протянули к нему руки, стараясь ухватить за воротник или пиджак, но что-то случилось: будто невидимый хлыст ударил их по пальцам, заставляя отдёрнуть руки. И в следующую же секунду Тихонов неестественно, слишком резко наклонился вперёд с тихим вскриком, как если бы кто-то насильно помог ему. Гости успели увидеть, как его тучный силуэт оказался на той стороне окна, а после он полетел вниз. Люди замерли, уже не обращая внимания на страшный холод, бьющий в коридор. Повисла мёртвая тишина. Кто-то вдруг пробормотал под нос, как в забытьи:

— А люди, оказывается, так легко умирают…

И этой фразы было достаточно, чтобы массовое оцепенение наконец-то спало. Двое парней понеслись к лестнице — хотели помочь Григорию, одна из девушек достала из кармана брюк телефон и начала вызывать скорую, остальные либо продолжали просто стоять в холле, либо кинулись к окну. И на улице, на припорошённой снегом дорожке, они увидели Григория, лежащего на животе. Под головой его растекалось пятно тёмно-красной крови. Шея была вывернута под неестественным углом, как и правая нога, а руки — раскинуты в стороны. Несколько человек сразу же отскочили вглубь коридора от подобного зрелища, одна женщина и вовсе заплакала, другие же продолжали смотреть, сами не понимая, почему вид изувеченного человека вызывал в них столь жгучий интерес, смешанный с первобытным ужасом.

***

Скорая приехала быстро, и не только она — у отеля припарковались две машины обычной полиции, не Сверхъестественной — видимо, кто-то на панике позвонил именно им. Красно-синие сигналы на их крышах ярко мигали, вызывая любопытство тех, кто проходил мимо огороженной территории «Меридиана». Григорий оказался мёртв — скорая констатировала это и уехала, оставив правоохранителей разбираться. Вскоре отель оцепили, и всех свидетелей, видевших погибшего сегодня, попросили остаться. В том числе и Яна, который к моменту приезда стражей закона находился на четвёртом этаже у того самого окна: молча смотрел на окружённый криминалистами труп Григория. Его не волновал холод, забирающийся под рубашку, и не волновал снег, тающий на волосах, — казалось, он пришёл сюда, чтобы просто по-человечески, без лишней жалости или злобы проводить Тихонова в последний путь.

К вечеру его отпустили с допроса, поскольку он не обладал никакой ценной информацией и не был замешан в трагедии. По крайней мере, так думала полиция, ибо семья Сазоно-

вых скрывала свою «работу», как и все медиумы, и прикрывалась ролью обычных торгашей, которые оказывали людям простенькие магические услуги в виде заговора на удачу, ритуала на защиту от дурных слов и так далее. В общем — делали вид, что занимались разрешённой волшебной деятельностью, на которую способны обычные люди. Не то чтобы медиумы преследовались по закону, но сильные мира сего всегда очень хотели присвоить их себе для целей, которые нельзя назвать благородными. Очень малая часть медиумов действительно служила им, но подавляющее большинство предпочитало сохранять свободу и прятаться в тени, не желая однажды стать камнем преткновения в политических играх.

***

Выйдя из отеля, Ян первым делом глубоко вдохнул морозный воздух и устремил взгляд вверх, в красно-розовое безоблачное небо. Вокруг шумел город, за кованым забором шелестели колёса машин, а около отеля переговаривались люди: бывшие постояльцы, сотрудники. Свет от мигалок на машинах полиции отражался на чистом снегу то синими, то красными всполохами. Стояла напряжённая атмосфера.

Удобнее перехватив чемодан в одной руке, Ян, слегка опираясь на трость во второй, спустился с порога и направился по дорожке к главным воротам. Проходя мимо одного из служебных автомобилей, он услышал тихий разговор правоохранителей:

— Они говорят, что призраки здесь были. Это уже вне нашей юрисдикции и вне сферы деятельности Сверхъестественной полиции — они только живыми расами занимаются, а не мёртвыми.

— Угу. Ангелами и демонами они тоже не занимаются — типа, их тоже не зарегистрировать, как граждан страны, и нельзя наказать их по закону. Работать они просто не хотят, вот что. А мы разгребай тут.

Завидев гражданского, они тут же умолкли. Ян кинул на них короткий взгляд, а после вновь перевёл его вперёд.

«Души наконец успокоились и исчезли из этого мира. Они воссоединились со своим сыном, а затем вдоволь насытились страхом Григория, прежде чем убить его. Больше они никому не навредят и сами не будут страдать в этом злачном месте, — при этих мыслях он выдохнул через рот, выпуская облачко пара в воздух. На душе лежал камень. — Я не хотел лишать ребёнка родителя, правда. Надеюсь, с ней всё будет хорошо».

Пребывая в мыслях, Ян дошёл до высоких чёрных ворот, но, прежде чем покинуть отель, остановился. Снег хрустнул под его ногами, а после он обернулся: во всех окнах большого здания горел свет, некоторые люди выходили из парадной двери с чемоданами или без, а некоторые, напротив, всё ещё оставались внутри, ибо их ждали вопросы полиции. Деловые поездки, отдых, командировки, работа — всё было омрачено, и теперь из памяти несчастных ещё не скоро выветрятся краски трагических событий, произошедших здесь. Для кого-то это стало настоящим ударом, для кого-то — страшным, но не ужасающим опытом. А для Яна — очередным заданием, проверяющим его пригодность как медиума.

Вскоре силуэт его исчез в городском шуме.

***

Через пару недель по телевизору сообщили результаты расследования убийства в отеле «Меридиан»: Григорий Тихонов погиб от руки неизвестного представителя сверхъестественной расы, который вот уже третий год орудует в городе и уничтожает людей. Не всех, а исходя из неизвестных полиции критериев. Никто не захотел напрямую говорить о том, что человек был убит душами, которые невозможно наказать, а потому историю Тихонова удачно подвя-

зали под местного маньяка, которому можно было без проблем приписать любые способности и любовь к запугиванию. Об убийстве тридцатилетней давности никто так и не заговорил. Дочь Григория, семилетняя София, продолжила жить уже с одной лишь матерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.